

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЗАКОНЫ БЕЗУМИЯ ИСКУШЕНИЕ

МАРИЯ ВЫСОЦКАЯ

Мария Высоцкая
Законы безумия – 2. Искушение
Серия «Законы безумия», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368071

SelfPub; 2022

Аннотация

С событий первой книги прошёл год. Богдан вернулся домой, впереди, его ждут большие перспективы. Герда впервые пошла против воли отца, и даже, сбежала из дома. Ей пришлось столкнуться с обычной жизнью, но теперь, она не одна.

Их ждёт тернистый путь из притирок, недопониманий, испытаний славой, деньгами и шантажом. Смогут ли они преодолеть всё это достойно? На что готов человек, чтобы сохранить любовь?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мария Высоцкая

Законы безумия

– 2. Искушение

Глава 1

Герда.

– Герда...

Коника замерла на пороге комнаты, непонимающе глядя на то, как я пакую чемодан.

– Привет, – присаживаюсь на край кровати.

– Ты уезжаешь? Я думала, мы проведем Рождество все вместе...

– Прости, Кон, я сегодня возвращаюсь в Россию...

– И когда вернешься?

«Никогда не вернусь», – ликует внутренний голос, но я с сожалением смотрю на смуглую брюнетку с вьющимися волосами, словно это не волосы, а пружинки.

Я возвращаюсь домой. Навсегда. Счет за следующий семестр за мою учебу в Оксфорде не оплачен срок. И тут два варианта: либо после Нового года меня насильно в бандероли вышлют обратно сюда, либо я останусь дома. Второй вариант более вероятен, потому что отцу заморозили многие

счета. Они с Дашкой уже переехали в новый дом – поменьше. Наверное, это плохо – радоваться вот таким вот вещам... но я рада. Глупо, эгоистично рада!

– Мы будем встречаться, я обязательно прилечу просто так...

– Понятно... какие-то проблемы?

– Надеюсь, не больше, чем обычно.

– Ладно, – Коника подходит ближе, расставляя руки в стороны, на ее лице улыбка, – давай тогда обнимемся на прощание, малышка. Я буду по тебе скучать.

– Я тоже, – обнимаю ее в ответ.

По дороге в аэропорт чувствую ликование, но оно смешано с ноткой горечи. Я так не хотела сюда ехать в сентябре, проклинала все на свете, но полюбила это место буквально за пару недель. Полюбила учебу, преподавателей, ребят... здесь хорошо. Душевно. Явно лучше, чем дома... но мне нужно домой.

В Москву я прилетаю в десять утра. Водитель уже давно ждет меня. Хорошо, что хоть табличку с моим именем не додумался взять. Стены совсем не родного дома встречают меня своей пустынностью. Прохожу по этажу, не замечая ни одного знакомого лица. Вся охрана сменилась, обслуга тоже...надеюсь, что хотя бы Любаву оставили.

Поднимаюсь наверх, поочередно заглядывая в комнаты. Занимаю первую попавшуюся гостевую. Я же здесь гость... надолго не задержусь. Съеду на городскую квартиру.

– Герда, – звонкий Любавин голос вызывает мурашки, – красавица моя!

– Люба, так рада тебя видеть. Я уже думала, отец совсем двинулся и тебя уволил.

– Что ты, – отмахивается, – пойдем кофе попьем, расскажешь, как ты. Полгода не приезжала почти. Так нельзя, девочка.

– Ты сама знаешь...

– Знаю, конечно, знаю, – печально улыбается.

Мы болтаем с Любой о разном. Долго. Весело. Иногда грустно и со слезами. Но каждое слово, каждый запах здесь все же роднее, чем там, где я была последние месяцы. Наверное, Люба мне роднее собственных родителей. Она возилась со мной, когда я была маленькой, всегда поддерживала, когда я училась в школе... с ней классно. Она классная.

Слушаю очередную историю и пишу Богдану. Мы так мало общаемся. Очень мало. Мне стыдно. Стыдно за то, что я более чем уверена, что это мой отец постарался над всем тем, что с нами произошло. А ведь, не вмешайся он, мы бы были вместе, учились, строили планы на будущее. А теперь... теперь все это кажется далеким... таким далеким, что на глаза наворачиваются слезы.

Набираю в вотсап о том, что дома, а потом стираю текст. Не хочу обнадеживать, наверное, в первую очередь себя. Я еще не видела отца и не понимаю, надолго ли я здесь.

Месяц. Месяц – и мы наконец-то увидимся. Я жду эту встречу, как ненормальная. А если ко всему примешать факт, что Шелеста сослали на Дальний Восток и отец не позволил мне ни единого раза туда слетать...

Вытираю очередные слезы, убирая телефон в карман джинсов. Стою на крыльце МГИМО, дожидаясь водителя. Экзамен закончился раньше, а на улице дождь, вот и стою как дура, в ожидании чуда.

– Герда, – оборачиваюсь, лицезря темноволосого паренька в куртке Луи Виттон.

– Гриша?

– Он самый. Не ожидала?

– Конечно нет. Ты что тут делаешь?

– А вот, – смеется, подходя ближе, – могу тебя подвезти.

– Меня заберет водитель.

– В городе пробки, если он не приехал заранее, в срок не успеет. Поехали, заодно пообедаем.

– Ладно, – сдаюсь, – поехали. Ты давно прилетел?

– Да я последние месяцы так, для галочки, раз в неделю учиться хожу, а потом серфить улетаю. Слушай, мы на выходных с ребятами потусить хотим, в «Черное-Белое». Пойдешь?

– Нет, прости, у меня другие планы на эти выходные. Как там ребята?

– Ты ни с кем не общаешься?

– С Коникой только, да и то не так часто. Дела постоянно...

– Жаль, что не пойдешь, конечно, – поджигает губы, открывая мне дверь ягуара, – но если передумаешь, буду тебя ждать...

Киваю, пристегивая ремень безопасности.

По дороге до ресторана мы молчим. Гриша, может, и хочет что-то спросить, но мой вид, думаю, немного его смущает. Я пялюсь в телефон с улыбкой до ушей, отвечая Богдану на сообщения. Он сегодня дежурит, но при этом целый день на связи.

– Приехали...

– А? Что?

– Ты вообще тут, Герда?

– Прости, просто, – улыбаюсь, – не важно...

Вылезаю из машины и пишу смс водителю, чтобы приехал сюда. Ехать домой с Назаровым желания нет, а вот пообедать я и так хотела.

«Богдан, осталось сорок три дня»

Отправляю, чувствуя тепло на душе. Чуть больше месяца. Пальцы подрагивают от осознания того, что мы скоро встретимся.

– Что ты будешь? – вновь отвлекает Гриша.

– Пасту с мидиями, латте и... – перелистываю страницы

меню, — и десерт недели.

Официантка кивает и уходит с широкой улыбкой на губах.

Гриша мельком заглядывает в мой телефон, и я сразу блокирую экран.

— Не наглей...

— Да я так. Че, мужик твой?

— Мой, — кривлю лицо.

— А я думал, ты у нас девушка свободная.

— Я девушка занятая во всех смыслах....

— Жаль.

Вопросительно смотрю на Назарова, кажется только сейчас понимая происходящее. Он хочет или хотел меня склеить. Обед получается молчаливым и неудобным. Хорошо, что моя машина приезжает раньше, чем я ожидала.

Оставляю деньги за свою еду и под негодование Гриши быстро выхожу на улицу.

— Герда! Стой, — бежит следом, успевая схватить меня за руку у самой машины.

— Убери...

— Прости, — делает шаг назад, убирая руки, — извини, возьми, — протягивает мне деньги, — мне как-то неудобно, это я тебя позвал... в общем, извини и, если появится желание, присоединяйся к нам в выходные. Будет весело. Не хочу оставаться в твоих глазах придурком, — улыбается, — день сегодня дурацкий.

— Хорошо.

Молча сажусь в машину. Меня переполняют какие-то мерзкие, липкие эмоции. Его прикосновения мне были до ужаса неприятны. Раздражение зашкаливает. Какого черта я вообще поехала с ним? Он, наверное, себе там уже напридумывал. Герда, сначала думай. Потом делай. Думай – делай!

«Если все будет хорошо, то уйду в первую партию. Это значит пораньше!»

Злость проходит мгновенно, сменяясь умиротворением.

«Пусть все будет хорошо!»

Отправляю и желаю этого больше всего на свете.

Дома почти сразу встречаюсь с Дашей. Переехать в городскую квартиру мне так и не позволили. Папа орал как ненормальный, приплетая каких-то понятных только ему мужиков, которых я буду к себе водить. Но в Москве с барского плеча мне было разрешено остаться, но я прекрасно знаю, что это не его решение. Это вынужденная мера. Экономия. Кстати, она теперь во всем. Хотя, как по мне, вместо того чтобы экономить на салфетках, можно продать парочку машин и отказаться от большей части услуги в доме. Но кто меня слушает? Поэтому проживание с ними под одной крышей скорее маленькое неудобство, чем кризис.

– Привет, как экзамен?

– Лучше всех, – отмахиваюсь. Она уже достала своими попытками набиться мне в подружки. Не подружки мы с ней. Не тот уровень. Хоть она и таскается в платье от Картье, мозгов и манер ей это не добавляет. Скорее элитная проститут-

ка, чем светская львица. Хотя если мыслить глобально, одни получаются из других.

– Броня улетает в Чикаго, и я подумала, что мы с тобой могли бы...

Стоп. Стоп. Стоп. Усмехаюсь.

– Не могли. Пойми уже наконец, мы с тобой – это заранее провал. У меня нет желания с тобой ни куда-то ходить, ни общаться, да даже находиться в одном пространстве!

Дашуля молчит. Она явно расстроена. Что за глупая девица?

– И не смотри так, – закатываю глаза и поднимаюсь к себе...

Когда моя так называемая мачеха выскочила за моего отца, она думала, станет королевой, но проблема в том, что для моего папы все придворные: дочь, бывшая жена, друзья или их подобие – все для него не ровня. Поэтому Даша быстро из бойкой девахи превратилась в тихоню без собственного мнения. В общем, в меня до встречи с Шелестом, и, Боги, как же я благодарна ему за то, что он выволок меня из этого болота. Я вроде и живу среди них, но уже не реагирую. Почти.

Мы так же регулярно ругаемся, но теперь я могу дать отпор. Толчком стал вечер, где я своими ушами услышала, что это мой папочка приложил усилия к отправке Богдана в армию, и не куда-нибудь, а на Дальний Восток. В тот момент мой мозг отказал, и я вылила на него все, что думаю, и все,

что накопилось за эти годы, перед толпой гостей. Кажется, это был Дашкин день рождения. Папуля пытался заткнуть мне рот, но в той ситуации это уже было бесполезно.

Самое интересное, что после моей выходки он ничего не сделал. Хотя я думала, что меня лишат пропитания и крова. А он всего лишь не разговаривал, будто для меня это имело значение.

С мамой за это время почти не общались. Она вернулась в Москву, живет теперь где-то на Арбате, продала оставленную после развода квартиру и купила новую. И я понимаю почему. В той квартире они жили с отцом, когда только поженились. Не самые приятные воспоминания после всего произошедшего.

Иногда мне хочется ей позвонить, поговорить... только вот нам не о чем. Всегда было не о чем. Любава советовала встретиться, поговорить... поддержать, но моя мама – слишком сложный для этого человек. Она не изменилась, такая же холодная и безразличная. Моя поддержка ей не нужна, она и на звонки-то отвечала через силу. Когда я окончательно это осознала, перестала пытаться наладить контакт. Нет так нет. Жили же мы как-то все эти годы как соседи, будем продолжать и дальше, только теперь уже по разные стороны города.

– Герда, – в дверь поскреблись, – можно? – Даша приоткрыла дверь, просовывая голову.

Кстати, ей оказалось двадцать три, эта «умняшка» дума-

ла, что скроет свой возраст от моего отца. Зачем? Ей же не сорок... Капец, короче.

– Что еще?

– Я хотела с тобой поговорить... не с кем просто...

– И ты реально думаешь, что я идеальная для этого кандидатура?

– Прости, – неловко улыбается, собираясь уйти.

– Ладно, – и выйдет мне моя доброта боком, – чего хотела?

Новая мамулька проходит в комнату, присаживаясь на самый край кровати. Правильно, а то вдруг сожру. Мысленно улыбаюсь.

– Я хотела попросить у тебя помощи... я хочу подать документы в твой вуз и...

– Ого, – открываю рот, – неожиданно. Попроси папу, он с радостью купит тебе любой диплом. Зачем тебе эти заморочки? Там учиться надо, вообще-то...

– Я это понимаю. Знаю. Ты думаешь, что я полная дура...

– Ну, полные дуры за денежных мешков замуж не выходят! – смеюсь, а она как-то скукоживается вся, что ли... раньше я на это внимания не обращала.

– Я, наверное, пойду.

– Да сиди уже. Говори, чего хотела?

– Ты не могла бы съездить со мной в университет? Хочу встретиться с приемной комиссией. Это быстро, – начинает тараторить, – я просто все узнаю, и сразу обратно, ну и ты там ориентируешься уже...

– А папа в курсе, что придется раскошелиться опять?

– Я хотела сама попробовать...

А вот тут я уже теряю дар речи. Че-то вообще не понимаю, что происходит. Она же идиотка. Глупая пигалица. Хотя я с ней даже не общалась ни разу. Мое мнение сложилось заочно...

– Ладно, поехали. Только оденься поприличнее, то, в чем ты ходишь... это просто невыносимо. Смерть для глаз же.

– Хорошо. Спасибо. Не думай, что я с твоим отцом из-за денег. Он хороший человек...

– Мой папа? Мы про одного и того же человека говорим?

– Возможно, слегка требовательный, но хороший, – вздыхает, – очень тяжело находиться с ним рядом и осознавать, что все видят во мне приживалку или шлюху, падкую на чужие деньги.

Вот и откровения пошли. Но почему-то я ей верю. Не знаю... либо она хорошая притвора, либо... в общем, мне ее жаль. Правда. Та деваха, которая поселилась здесь год назад, и та, которая сидит передо мной сейчас, два разных человека.

– У нас не задалось общение, я думала, что если поставлю тебя на место, то избегу проблем... дурацкие советы...

– Поставить меня на место – дело тяжелое.

Юморит, конечно, Дашка по полной.

– Я уже поняла. Сглупила. Может быть, если бы я не ис-

пугалась тогда, не послушала подруг, – на этом слове она кривит лицо, – и повела себя адекватно, все было бы не так плохо.

– Ой, хватит ныть. Когда в универ ехать?

– Я хотела завтра, после обеда.

– Приезжай в четыре, я как раз буду там, позвонишь, пересечемся...

– Хорошо, спасибо, только у меня нет твоего номера.

– Пиши...

Глубокомысленно вздыхаю, думая лишь об одном: пусть это все не выйдет мне боком.

Богдан.

Сто дней. С*ка, еще каких-то три месяца – и свобода. Этот чертов дурдом уже стоит поперек горла.

От помощи Доронина с отмазом я отказался. Но когда в сотый раз драил эти с*анные унитазы в наряде по духане, бессчётное количество раз пожалел о своем решении. Идиот.

Когда три ночи подряд чистишь в наряде туалет, начинаешь понимать, к примеру, то, что ты был самонадеянным придурком, полностью уверенным, что со всем можешь справиться сам. Но нет. Обломали.

Расхреначили о землю так, что пришлось постараться, чтобы вновь собрать расплавленные мозги воедино.

Сначала опрокинули с поступлением, даже причину не объяснили. Потом пришла эта с*аная повестка, о которой узнали в клубе и попросили, не устраивая шума, свалить в

туман. За*бись!

Чистя на кухне картошку в том же наряде, в разь*банной части Владивостока, я прекрасно осознавал, откуда растут ноги. Герин папашка решил-таки выполнить обещанное. Гера оказалась не такой, как он там себе воображал. А ему было необходимо запихать ее в Лондон. А я на пути к этой его очередной «мечте» стал преградкой. Не преградой. А именно преградкой. Избавился он от меня на раз.

– Демон, пошли, чайник вскипел, – зовет Соболев.

Киваю, выкидывая сигарету в урну. Курить начал, наверное, месяце на втором, может, третьем. Когда на перекур от работы отпускают только тех, кто курит... короче, повелся. Или же просто за*бался.

Убирая руки в карманы, иду в бытовку. Парни ржут, явно травя байки про нашего нового взводного. Лейтенант только из училища. Цирк еще тот.

Сажусь на табурет, проверяя телефон. От Геры тишина.

– Демон, ты че такой веселый? Принцесса мгимошная послала?

– Иди в жопу, – отмахиваюсь от вечных перемываний Ежиковым костей Гере. Он с первого дня ждет, когда она меня пошлет. Его же деваха опрокинула несмотря на то, что в вечной любви клялась, на присяге тут на колени в рыданиях падала, а через полгода сказала, что замуж выходит. Су*ка.

Только вот моя Гера меня что-то не посылает. Хотя к этому мне не привыкать, этого все ждут с самой нашей с ней

первой встречи.

– Молчу, не хочется очнуться в больничке, – ржет.

Поддерживаю его смех. Вряд ли я когда-либо это забуду. В части почти сразу узнали, что я спортсмен, а когда прошел слух, что занимался борьбой, то появилось много желающих проверить себя и меня на крепость. Это только в фильмах дерутся по правилам и один на один. Реальность же немного отличается от кино. *башат тебя толпой, и есть лишь одно правило – не по голове.

Забили меня тогда, конечно, знатно, почти две недели провалялся в госпитале, официально у меня был бронхит, смешно. Но валялся не один, смог утащить с собой парочку долбоящеров. Один из них сейчас сидит напротив меня и хлебает чай. Мурас, боксер с Ростова-на-Дону, тот еще козел, но уже свой.

Тогда в палату со мной, кроме него, положили еще пятерых из толпы. Честно, не знаю, как у меня хватило сил, да и вообще почти ничего не помню из той драки, но после этого как-то прицепилось: Демон-демон...

Мама тогда, Слава Богу, до правды не докопалась, но в то, что у меня бронхит, не поверила. Порывалась приехать, но мне свезло, и ее с головой нагрузили работой. Гера же рыдала в трубку, причитая, что она прилетит, но я порыв не оценил, и Умка осталась сидеть дома.

– Пацаны, кто что после дембеля делать будет?

Один и тот же разговор вот уже на протяжении месяца.

Колос – любитель побазарить на тему будущего, хотя все веселее, чем плющить харю. Кстати, парадокс: поначалу готов спать сидя, стоя. Да в любой позе и в любом месте. К дембелю же сон улетучивается. Не спится вообще. Хоть убей.

Слушать по сотовому кругу одно и то же желания нет. Телефон начинает вибрировать. Выхожу на улицу, отвечая на звонок.

– Привет! Прости, ты говорил писать смс, я не удержалась...

– Привет, – прикуриваю, – не спится?

– Совсем нет. Я скучаю!

Улыбаюсь, выдыхая дым. У меня без тебя уже скоро совсем крыша съедет.

– Я тоже. Умка, расскажи что-нибудь...

***

Выхожу из вагона, щурясь от яркого солнца. Немного закрываю глаза рукой, чтоб не слепило. Конец июня, жара. Москва. Сколько ночей я мечтал об этом дне? Не счесть.

Шесть дней в поезде на верхней полочке плацкарта. Почему не самолет? Потому что на дату демобилизации первой партии билетов не было. Либо катись на доблестном РЖД, либо жди две недели и сваливай во вторую уже на самолете. Выбор был очевиден. Лучше шесть дней в поезде, чем четырнадцать дополнительных в казарме. Да и ехали мы до

Москвы впятером.

На Казанском прощаюсь с пацанами. Как-то даже тоскливо, что ли. Хотя на протяжении года каждый только и делал, что ждал этот самый момент. Выйти на платформу с пониманием того, что служба кончилась.

- Мурас, – хлопаю Игоря по плечу, – веришь, что все?
  - Это у тебя все, а у меня служба только начинается.
  - Удачи. Генералом станешь, маякни, водку пить будем.
  - Да не вопрос, – прикуривает, – чемпион...
- Ржу. Хотя, с*ка, пусть его пророчество сбудется.
- Тебе сколько до поезда?
  - Часа три...
  - Может, ко мне?
  - Не, тут перекантуюсь.
  - Давай тогда...
  - Давай.

Домой зайти тихо не выходит. Ключей нет. Звоню в дверь, а когда она открывается, сталкиваюсь с неверящим взглядом Ма.

- Богдан? – словно я привидение.
- Мам Марин, – не успеваю толком заговорить, как она начинает рыдать. – Не плачь, – притягиваю к себе, кидая сумку на крыльцо.
- Мой мальчик, ты почему не предупредил?..
- Сюрприз...
- А у меня почти инфаркт.

– Ты сильная женщина!

– Пойдем в дом, скорее, – торопит, неотрывно следит за моими движениями, обнимая себя руками, глаза все еще влажные.

– Ну ты чего? – не выдерживаю.

– Ничего, – отворачивается, – не обращай внимания. Я в гостиную буду, переодевайся.

Прохожу наверх и с кайфом торчу в ванной почти час. Когда баня только по выходным, начинаешь немного иначе смотреть на совсем обыденные, на первый взгляд, вещи. После часового лежания в горячей воде принимаю душ и, завернув на бедрах полотенце, тащусь в комнату. Быстро впрыгнув в джинсы, которые, кстати, еле застегнулись, надеваю серую футболку. Хорошо, что тянется, ага.

Вниз спускаюсь уже при параде. Я очень соскучился по маме, но безумно хочу увидеть Геру. Да и у меня есть план. Моя Умка думает, что я приеду недели через две. Переписывается сегодня со мной весь день, и как раз сейчас едет на свои занятия по актерскому мастерству. Развлекает себя, одуванчик.

– Ты уходишь?

– Пока нет, часа через два поеду.

– Все бежишь, бежишь.

– Не обижайся.

– Да я все понимаю. К Герде?

Киваю, мама улыбается.

– А теперь, – усаживается на диван, кладя руки себе на колени, – все рассказывай. Как ты? Я так переживала, когда позвонила, а ты в лазарете этом оказался. Думала, с ума сойду.

– Все хорошо, обычная простуда...

– Не ври. Сейчас-то хоть не ври!

– Мам Марин, зачем мне врать? Ты все преувеличиваешь. Это обычная часть, где мы весь год мели плац, ничего страшного и криминального.

Ма все еще не верит. Вздыхает, словно упрекает во вранье, но потом меняется в лице. Расцветает. Улыбается. Я так рад ее видеть. Она самая лучшая.

– Что делать собираешься?

– Не знаю, недельку приду в себя, а потом доки буду в универ подавать, к Иванычу схожу. Надеюсь, он меня не пошлет, и по работе надо что-то думать. Учиться на очном теперь точно не варик.

– Какой ты стал... взрослый.

– Не реви, – обнимаю, – чего ты плачешь-то?

– До сих пор не верю, что больше не придется сидеть в ожидании твоих звонков.

– Мама...

– Ладно, не обращай внимания, беги, а то опоздаешь, – смотрит на часы, поглаживая мое плечо. – Я надеюсь, ночевать домой?

– Как получится, – целую в щеку.

– Богдан...

– С ребятами встретиться еще хотел. Все, мамулечек, я ушел.

Прихватив кожанку, выхожу во двор. Минут через сорок уже трусь у Гериной шараги. Останавливаюсь недалеко от крыльца, прикуриваю. Вокруг переизбыток мажоров на пиз*атых тачках. Неплохо.

Делаю очередную затяжку, слыша знакомый голосок.

Гера спускается по ступенькам с какой-то девахой и доходящим пареньком. Тот скачет вокруг нее, как зомби. Хочу затушить сигарету, но одергиваю себя. Наблюдаю дальше.

Гера смеется, что-то шепча своей подружке, а потом оборачивается в мою сторону. Вижу секундный ступор в ее глазах. Она сомневается. Думает, что я ее глюк. Ухмыляюсь, делая шаг в ее сторону.

Гольштейн поджигает губы, а потом вообще накрывает их ладонями.

– Богдан, – орет как ненормальная, сбегая по лесткам, – мой Богдан, – обхватывает шею, закидывая на меня ноги, скрещивая их за спиной, – почему? – утыкается носом в мою шею, плачет.

Выкидываю этот идиотский окурок, сжимая ее уже обеими руками. Такая хрупкая, красивая. Моя.

– Умка, – поворачиваюсь из стороны в сторону, словно укачивая ее, – хватит соплей уже.

Гера поднимает голову, рассматривая мое лицо.

– Ты гад! Почему ты не сказал? – давится слезами, но улыбается. – Шелест, ты изверг, слышишь!

– Сюрприз...

– Это самый ах*енный сюрприз!

– Не ругайся, – смеюсь, ловя ее губы своими. Пухлые, с капелькой бледно-розовой помады. – Налуплю...

Приподымаю взгляд, понимая, что мы сумели привлечь к себе внимание. Отпускаю Геру, и она ставит ноги на землю.

– Расходимся, ребятки, цирк уехал, – немного повышаю голос, смотря на зрителей.

– Я так соскучилась. Сильно-сильно, – целует и замирает. – Ты куришь? От тебя пахнет.

– Уже бросаю...

Гера кивает, обвивая мою шею своими ручками. Она поправилась. В хорошем смысле слова. Чувствую это, когда обнимаю. Охереваю от нее. Моя Гера. Настоящая. Не мой очередной сон. Реальность.

– Мой хороший, – проводит ладонью по моей щеке, – я так тебя ждала.

– Пойдем отсюда уже, – тяну ее за руку, – никого не хочу видеть, с тобой хочу, слышишь? – на ухо.

Глава 2

Герда

Сдан последний экзамен. Еще одно «отлично» в закрытую на этот год зачетку.

Безразлично вышагиваю по длинному коридору, а радости нет. Даже толики улыбки. Мне все равно. Я потеряна во всей этой веренице дней. Мне слишком одиноко, мне слишком стыдно, что Богдан лишился своих планов на этот год из-за меня. Я часто об этом думаю. Думаю о том, что было бы... если...

Этих «если» сумасшедшее количество. Крепче сжимаю ручки сумки, смотря в окно. На улице нещадно палит солнце, а мне холодно. Я продрогла, как в самый ледяной месяц года. Светка подхватывает меня под руку, и я вздрагиваю. Она вырывает меня из моего кокона, но не лишает уже такой привычной апатии.

– Ну что у тебя?

– Пять...

Глупый вопрос, конечно.

– Блин, Гольштейн, где тебя такую умную нашли? – смеется. – У меня трояк, кстати. Мы сегодня отмечать едем. Ты с нами? Закрытие сессии, все дела.

– Не знаю...

– Что – не знаю, год вместе учимся, а у тебя вечно отмазы.

Папа, что ли, не пускает? Или папик?

Света уже давно не против узнать о моей личной жизни больше, но я ловко осаживаю любые ее поползновения в эту сторону.

– Просто мне это неинтересно, – пожимаю плечами.

– Кого ты лечишь?

– Свет, я подумаю до вечера.

– Ладно. Ой, смотри, какой красавчик идет, к нам, по ходу, – развязно цокает языком, облизывая пухлые губы.

– Герда, привет!

Гриша заинтересованно рассматривает Светку, ухмыляется.

– Вы знакомы? – Света приподымает бровь.

– Да, это Григорий Назаров, мы вместе учились в Англии.

Непонятно только, что он делает здесь.

Пытаюсь улыбнуться, но голос меня не слушает, язвлю.

– Да он на тебя запал, – шепчет мне на ухо.

Закатываю глаза. Только Назарова мне не хватало и Светкиных сплетен.

Света выказывает свое недовольство и намекает на мою, по ее мнению, умственную отсталость – не понимать очевидные вещи. Поправляет выбившуюся из укладки прядь черных, как вороново крыло, волос. Она очень эффектная. Высокая, с сочной фигурой, большой грудью и зашкаливающим самомнением. Хотя, по поводу последнего, мы все здесь такие. Поголовно.

– Мне все равно, – продолжаю отмахиваться от сватовства.

– Девчонки, может, сходим кофе попьем? Я угощаю...

– Мы не против....

– Против, – вторю, но выходит неубедительно.

– Пошли, – снова на ухо, – тебе не нужен, так дай мне поиграть, – крепко сжимает мой локоть. – Гришенька, – проводит пальчиками по его плечу, немного выпячивая грудь.

Назаров хмурится и переводит взгляд на меня.

– Мы согласны, да, Герда?

– Отлично...

– Кстати, Григорий, не хочешь с нами завтра потусить? У нас вечеринка, закрыли сессию.

– Можно...

Звучит это очень безразлично.

– Герда, а ты подумай, я очень надеюсь, что ты не бросишь меня одну.

– Тебя бросишь...

Выходим из здания, Гриша блещет своими шуточками, Светка наигранно ржет, а я смеюсь над ее смехом.

Весь этот бред раздражает. И они раздражают. Мы не друзья. Не получается у меня дружить. Не умею я. Дефектная, видимо.

Закатываю глаза, на мгновение, поворачивая голову вправо, и застываю. Не верю своим глазам. Это мое воображение? Богдан делает шаг навстречу, и я замороженно его рас-

смаатриваю, накрывая рот ладонями.

Он настоящий. В груди что-то лопається, мир становится ярче. Все вокруг кажется другим, словно ранее неизведанным. В глазах встают слезы. Соленые слезы счастья. Это лучшее, что происходило со мной за последнее время. Пальцы начинает покалывать от дикого желания дотронуться до него.

– Богдан, – непроизвольно перехожу на крик, не в силах сдерживать эмоции, – мой Богдан, – несусь вниз, крепко обнимая его шею, и, немного подпрыгнув, обвиваю его ногами, – почему?

В голове столько вопросов. Как? Он же только через две недели... глаза повторно застилает пеленой слез. Я почти ничего не различаю, лишь остро чувствую его запах. Такой родной. Мой.

– Умка...

Слышу его голос и окончательно схожу с ума, Шелест укачивает меня, как ребенка, а я все еще не верю, что все закончилось. Не верю, что он рядом. Что я не одна.

– Хватит соплей уже.

– Ты гад! Почему ты не сказал? – улыбаюсь сквозь слезы. – Шелест, ты изверг, слышишь!

– Сюрприз...

Всхлипываю. Мой родной, как же я тебя ждала.

Богдан – не просто человек, которого я люблю. Он мой друг, он все для меня. Я без него не я. Без него я теряюсь

среди толпы этих людей. Становлюсь безликой тенью или же безжалостной с*кой. Становлюсь той, кем не хочу быть. Со всем не хочу.

– Это самый ах*енный сюрприз, Шелест, – говорю его же словами.

– Не ругайся, – смеется, касаясь моих губ. – Налуплю...

Это едва ощутимое касание губами переворачивает мой мир наизнанку. Мне так хорошо. Тепло. Словно ледяная стена, огораживающая меня от мира, растаяла.

Улыбаюсь, опуская ноги на землю.

Богдан громко просит всех разойтись, а я лишь после этих слов понимаю, что мы не одни. Вокруг люди. Очень любопытные люди. Теперь мне точно не отвертеться от Светкиных вопросов.

– Я так соскучилась, сильно-сильно, – вдыхаю, отчетливо чувствуя запах табака. – Ты куришь?

Он ведь стоял с сигаретой... Это точно мой Богдан?

– Уже бросаю.

Киваю. Прижимаюсь к его телу, вдыхая такой родной запах. Пока я не понимаю, что все изменилось. Он изменился. Пока я все еще живу воспоминаниями прошлого и мечтами о будущем. Пока я окутана розовым мирком моих грез. Но изменения уже в нас самих. Мы просто их не видим. Вскоре они дадут о себе знать, образуя за собой шлейф последствий.

– Мой хороший, я так тебя ждала...

– Пойдем отсюда уже, никого не хочу видеть, с тобой хочу,

слышишь?

Киваю, тая в его объятьях. Его теплые руки просто прожигают ткань моего платья, и мне хочется, чтобы его не стало вовсе.

Мы идем по тротуару, крепко держась за руки. Мне кажется, секунда, я обернусь и пойму, что это – мое больное воображение. Но нет, я поворачиваю голову в пятый раз, а Богдан продолжает идти рядом.

– Куда мы идем?

– Не знаю, просто идем.

Он говорит с присущим ему безразличием. Это с силой бьет по нервам, но я молчу.

Разговор не клеится. Мы оба молчим, а у меня подрагивают губы. Почему так? Почему нам дискомфортно? Это же неправильно, но это так. Опускаю голову, рассматривая свои туфли, красивые ярко-красные в сочетании с белыми носочками и джинсовым платьем, подпоясанным красным ремешком, они выглядят еще волшебнее. Эти туфли – любовь с первого взгляда.

Шелест – моя больная любовь с первого взгляда. Я поняла это не так давно. Но он засел в моей голове с самой первой встречи, там, в автобусе.

Между нами было столько всего, а теперь мы словно чужие, хоть и идем на расстоянии нескольких сантиметров.

– Тебе нравятся мои туфли? – останавливаюсь, и Шелест тормозит следом.

– Чего?

– Туфли, тебе нравятся мои туфли?

Богдан хмурится, а после начинает дебилно улыбаться.

– Мы будем обсуждать твои туфли?

– Да. Потому что других тем у нас, по-видимому, нет...

Он щурится от солнца, поглаживая мое запястье большим пальцем, но продолжает молчать. Отпускает мою руку, вытаскивая из джинсов сигареты. Ненавижу этот отвратительный запах.

– Гера, – прикуривает, двигаясь вперед, – не начинай...

Он говорит с паузами. За время их расстановок мы оказываемся в небольшом парке или аллее.

Но я его не слушаю. Смотрю в его глаза и пугаюсь собственных мыслей. А вдруг на этом все? Вдруг он больше не любит... пока он был там, я частенько сидела на одном форуме, так вот, там рассказывали о интересной статистике. Пары, подобные нам, очень часто расстаются в первые три месяца после демобилизации.

– Умка, ты тут?

– Да, задумалась просто...

– Мне уже страшно. Что придумала?

– Что?

– Проблему какую на этот раз нашла в наших отношениях?

– Никакую...

– У тебя на лбу красненьким мигает – нашла!

– Хватит издеваться, просто я переживаю... я тебя ждала и...

– А я пойду бухать и бл*довать? Так, по-твоему?

Морщю нос, потому что звучит это отвратительно, да и после того, как он это озвучил, мои дурацкие подозрения начинают таять.

Шелест ничего не говорит. Просто смотрит. У него пожирающий взгляд. Это возбуждает. Я безумно соскучилась, во всех отношениях. По его объятиям, поцелуям, присутствию... я до дрожи в пальцах его хочу. Теплый ветер обдувает мои голые ноги, а воображение убеждает, что это ладони Богдана. Теплые, сильные. Они пробираются все выше, минуя икры, колени, задирая подол сарафана. Вздрагиваю, смущаясь своих фантазий.

– Давай не будем ругаться, Умка, я много чего хочу с тобой сделать, и ругань совсем не входит в мои планы...

У него низкий голос. Он завораживает. Я оглушена его словами. Сглатываю, замечая, как горят его глаза. Теперь ярко вижу в них желание.

– Ты скучал по мне?

– Конечно, скучал...

Касается пальцами моей щеки, медленно опускаясь к губам. Приоткрываю рот, проводя языком по подушечке его пальца, улыбаюсь, потому что Шелест сильнее сжимает мою талию, опуская руки ниже.

Мы стоим у скамейки, мимо нас изредка проплывают лю-

ди, но мы видим лишь друг друга. Это наваждение. Истинное сумасшествие. Обхватываю его лицо ладонями и не чувствую своих слез. Смотрю, и мир переворачивается в очередной раз.

– Что за упырь вокруг тебя околачивается?

Вопрос звучит слишком неожиданно. Шелест переводит тему, отвлекает, он всегда так делает.

– Кто? – не сразу соображаю, о ком он. – А, это, – губ касается усмешка, – Гриша... мы вместе учились...

– Чему учились?

– Ты ревнуешь?

– Я ревную, – уверенно, но развязно.

Наверное, это одно из тех качеств, которые меня в нем цепляют. Он говорит правду, то, что чувствует на самом деле, но не выглядит глупо или жалко. Наоборот...

– Мой хороший, – провожу коленом по его ноге, а пальцы уже пробрались под футболку.

– Блин, Гера, прекрати, я и так тебя хочу.

– Я чувствую, – улыбаюсь, – подожди, – вытаскиваю из сумки звонящий телефон.

Папа. С чего вдруг? Он же не в стране даже...

– Привет...

– Ты где шляешься?

– Я...

– Домой, живо!

– Папа...

– Я сказал, домой! И чтобы водитель тебя по городу не искал.

Он гневно орет в трубку, и у меня стынет кровь. Убираю телефон, несколько раз чуть не выронив его из рук. Меня пронзает холод вечного отцовского безразличия, но теплые руки Богдана вырывают из этого мрака.

– Все хорошо?

Качаю головой.

– Мне нужно домой, прости, отец...

– Я провожу...

***

Дома меня встречает взволнованная Даша. Она словно специально поджидала меня у порога. Не успеваю перешагнуть его, как она выталкивает меня на крыльцо. Мое недовольство почти вырывается наружу, а она накрывает мне рот ладонью. Я в ярости.

– Прости. Тихо, – шепчет, – нас не должны слышать.

– Что происходит? – шепчу на повышенных тонах.

– Броня привел домой своего партнера и его сына.

– И что?

– Ты не понимаешь зачем?

– Он вечно кого-то приводит.

– У нас огромнейшие финансовые проблемы. Он хочет выдать тебя замуж и решить все свои неурядицы!

– Замуж? – делаю шаг назад.

Хочется смеяться. Это же сон. Идиотский сон. Мы в двадцать первом веке, он не может, если я не захочу... ору в своих мыслях, но даже там, там мне кто-то усмехается. Скалится над моей глупостью. Конечно, он может. Может все что угодно. Я все та же кукла. Марионетка в его руках. Ничего не поменялось. Я просто выдумала для себя этот чертов мир, в котором пребывала весь минувший год.

– Герда, все хорошо?

– Да, – сжимаю Дашкину ладонь, я впервые в жизни рада ее присутствию, – что мне теперь делать?

– Для начала убрать с лица эту кислую мину и пойти в гостиную.

– Зачем? У меня нет желания...

– Будь умнее, сделай вид, что делаешь то, чего от тебя ждут!

– С чего такая доброта? – вырываю руку, одаривая презрительным взглядом.

– Это простая солидарность, женская. И к тому же, этот человек... с которым хочет работать Броня... он мне не нравится, ничего хорошего он не принесет. И сын его... такой же...

– А ты, я смотрю, сама проницательность, – язвлю, а саму окутывает мелкой дрожью.

Даша устало вздыхает и дергает ручку двери, возвращаясь в дом. Иду за ней следом.

– Прости, – шепчу за ее спиной.

– Все нормально.

Мы выходим в гостиную, взгляд фиксируется на трех мужских спинах, две из которых кажутся знакомыми. Первая – это мой отец, а вторая...

– Вот и мои девочки, – отец поворачивается, сжимая в руке бокал. – Герда, Дарья, познакомьтесь, мой будущий партнер – Назаров Евгений Олегович, и его сын Григорий.

Гришка поворачивается ко мне лицом, выбивая из легких остатки воздуха. Это просто невероятно. Мне смешно, но стоит взглянуть в его глаза, и становится страшно, он больше не смотрит на меня как на божество, нет, теперь он снисходит до меня. Прожигает похотливым взглядом, от которого становится не по себе.

– Гриша, – выдавливаю улыбку, – неожиданная встреча...

– Не скажи, – усмехается, – думаю, закономерная.

Отец довольно хлопает его по плечу, что-то говорит, а я в панике и трансе ищу пути отступления. Обед, плавно перетекающий в ужин, проходит оживленно для всех, кроме меня. Я вяло ковыряюсь вилкой в салате и думаю о том, что могла бы быть сейчас в другом месте.

После ухода гостей помогаю Любаве убрать со стола. Она рассказывает какие-то истории, Дашка смеется. Кстати, они быстро нашли общий язык. Они ржут, а я нахожусь в своем отравляющем душу мирке.

– Герда, зайди ко мне, – смех стихает. Голос отца сочится металлом, кажется, привкус этого самого металла расплес-

кался по моим губам.

Киваю и шагаю за ним.

В кабинете горит только торшер, стоящий у кресла. В полумраке происходящее кажется еще опаснее. Заламываю пальцы в своем непонимании и ужасе того, что отец от меня хочет. Замираю у окна, стараясь дышать ровнее. Вдох-выдох.

– Как тебе Григорий? Он сказал, что вы учились вместе...

– Учились...

– Хороший парень, смысленый. Мы с его отцом проводим небольшое слияние наших предприятий...

– Рада за вас...

Отец смеряет меня тяжелым взглядом. Я чувствую его за-
тылком.

– Будет прекрасно, если вы поженитесь. Это укрепит бизнес. Ты же понимаешь, что когда-то должна внести свою лепту в семейный бизнес?

– Понимаю, – с грустной усмешкой, – только я этого не просила. Бизнеса, этих денег...

– Что-то я не заметил, чтобы ты отказывалась от них все это время, – он зло смеется.

– Тебе это нравится, да? Нравится меня попрекать, унижать, ты испытываешь от этого какой-то особый кайф?

До боли закусываю губы, чтобы не заплакать.

– Закрой свой рот, неблагодарная дрянь. Я хотел по-хорошему, – он быстро пересекает расстояние, которое нас разделяет, и с силой сжимает мои запястья, – но ты, как и твоя

мать, идиотка, – встряхивает меня, – поэтому будешь делать все, что я скажу.

Меня переполняет ненависть. Ярость затуманивает разум. Мне больно. Мне так больно и противно оттого, что здесь происходит.

– Не буду, ничего не буду, – кричу ему в лицо, а после получаю хлесткую пощечину.

Онемевшая от этого действия, прижимаю ладонь к месту удара, почти не моргая. Воздуха становится все меньше. Начинаю задыхаться. Чувствую, как кровь упрямой струей стекает по губам и подбородку. Пульсация в висках зашкаливает, а тело потряхивает. Я почти не различаю стоящей в кабинете мебели.

– Этот су*онок вернулся, да? Поэтому такая смелая? – отец продолжает кричать, нависая надо мной. – Тебе было мало, – дергает меня за руку, – мало того, что из-за тебя он потерял год, этот год важен для него как для спортсмена. Ты портишь его жизнь одним своим присутствием!

Он давит на больное. Знает. Знает...

– Значит, мало...

– Почему ты так говоришь? Почему? Что он тебе сделал? Зачем? – сотрясаюсь в своих рыданиях, падая на колени.

– Герда, – отец смеряет суровым взглядом, от которого хочется удавиться, – я не вижу смысла протягивать руку туда, где нет надежды. Он не для тебя. У него ничего нет. Ты привыкла жить иначе. Я растил тебя для другого. И этого не

изменить, как бы ты ни старалась, – в секунду интонация меняется. Гнев исчезает. Ему на смену приходит полный спокойствия и размеренности голос. Голос моего отца, который страшен в любом своем обликии.

– Что ты такое говоришь, папа? Что? – глотаю собственные слезы.

– То, в чем ты не хочешь себе признаться. Тебе не место рядом с ним.

– Не говори так, я его люблю, люблю его! – шепчу, прижимая пальцы к губам, в ужасе смотря на отца.

– Сколько сможет выдержать твоя любовь? Сколько ты сможешь так жить? У него нет ни гроша. А вот ты, – он надменно смеется, издевательски оглядывая меня с ног до головы, – сколько выдержишь ты? Без денег, связей, друзей? А? Ты уже выросла, перед тобой сейчас открыты все дороги, и только тебе решать, куда идти. В большое и светлое будущее с Гришей или же в паскудное существование во мнимой любви, которая перерастет в ненависть, как только у тебя закончатся деньги?! Дилемма, не правда ли?

– Ты бездушный монстр, слышишь, я тебя ненавижу!

Сжимаюсь в комок, до безумия боясь еще одного удара. Всклипываю, осмеливаясь поднять глаза. Его лицо искажено яростью. Он готов убить меня прямо здесь. Разорвать в клочья. Но я продолжаю смотреть на него на свой страх и риск, выпрямляю спину.

Отец не позволяет.

Еще один удар, и я теряю сознание.

Глава 3

Богдан

Не так я представлял нашу встречу. Совсем не так. Несся как сумасшедший, а когда увидел, словно онемел, как полнейший придурок. Смотрел на нее и задыхался от переполняющих эмоций. Она стала еще красивее. Моя Гера. Она такая одна. Одна... способная сводить сума, творить полнейшее безумство. Я помешан на ней. Всегда был помешан, с самого первого взгляда.

Смотрел на нее и не мог оторваться. Хотелось к ней прикоснуться. До боли в пальцах, до скручивающихся сухожилий. Адская ломка по моей девочке. Она расстроилась. Сначала от моего молчания. После – от звонка отца. Винит себя в том, что папашка отыгрался на мне. Я бы тоже, наверное, винил... точнее, винил первый месяц, просто проклинал. Не жалел о том, что с ней связался, нет. Просто злился. Злился. Но никогда бы не отказался. Был в ярости из-за обрушившихся надежд. Домой приехал к вечеру следующего дня. Все-таки встретился с Максоном. Этот черт позвонил сразу, как только мы с Герой разошлись. Словно чувствовал.

Я проводил Геру до машины, дальше она не позволила. Только сильнее стискивала мою ладонь. Плакала. Знаю, что плакала. Еще при мне глаза пеленой покрылись. Уверен, что

в машине рыдала. Некрасиво все вышло, не так я хотел и представлял. Но получилось, как получилось. Вечером бухали на какой-то даче. Не помню и половины того, что происходило. Бухло, девки, громкая музыка... Домой вернулся с бутылкой минералки. Под недовольным взглядом Ма прополз в кухню.

– Объяснишься? Где ты был? Я чуть сума не сошла...

– Я отправил смс.

– Буду завтра. Все хорошо. Богдан, – цитирует, смотря на меня с укором.

– Прости, мам, как-то так вот вышло. Макса встретил.

– Опять этот Федосеев. Я думала, ты с Гердой встречаться шел...

– А у нее как всегда ....

– Ладно, – все еще пригвозждает к месту грозным взглядом, – будем считать, что этого всего не было.

Киваю, присаживаясь на стул.

– Ты когда к Георгию Ивановичу пойдешь?

– Завтра, мы договорились, он обещал и работку подкинуть. У них секция без тренера осталась.

– Это хорошо. А с учебой?

– Не нагнетай. Прорвемся, – делаю очередной глоток воды.

– Ой, Богдан, не нравится мне все это.

– Что?

– Гуляния твои, и с Гердой... что произошло?

– Мам!

– Ладно. Я тут думала, в общем, вот, – протягивает ключи.

– Это что?

– Это от городской квартиры.

– Ты же ее сдаешь.

– Жильцы неделю как съехали, а новых я не нашла. Да и все равно тебе придется что-то снимать, расстояние неблизкое. А тут хоть какая-то экономия.

– Мне-то да, а тебе – не очень. Ты так-то этот дом арендуешь.

– Если ключи даю, значит, платить аренду в состоянии и без этого.

– Чет ты мне зубы заговариваешь...

Мама хитро улыбается и, оставив ключи на столе, выходит из кухни.

– Ну, я так и думал.

Следующую неделю бегаю с доками, пашу на тренировках и тренирую сам. Устал адски. Только и успеваю, что до кровати доползти и спать завалиться.

Гера сидит дома. Заболела. Но мне верится в это с трудом. Я все выясню, но уже тет-а-тет. Иваныч доволен мной по всем фронтам, но чуть не убил, когда почувствовал запах сигарет. Курить я бросил, ну вы поняли?!

В воскресенье с утра целый день мотаюсь по городу. Сначала тренья, потом индивидуальная тренировка, потом поход за жратвой, а то в холодильнике все мыши передохли. К ве-

черу звоню Мелку, они с Катькой должны сегодня ко мне подъехать. Так еще и не виделись. Пересекаемся как раз у подъезда.

– Здорово!

Обнимаю этого кабана. Отожрался от безделья.

– Здорово.

– Богдан, привет, – Катрин улыбается, прижимаясь к Сереге, – мы, кстати, не одни. Смотри, кого прихватили. Всех забыла уже, да, Тань?

Мелкова с кроткой улыбкой вылезает из машины, приглаживая ладонями подол синего платья. Темные волосы завязаны в высокий тугой хвост, а лицо меняется от нахлынувших эмоций.

– Богдан...

– Танюха, – притягиваю к себе, – красotka.

Таня облизывает губы, смущаясь, в отличие от Сереги. Тот довольно улыбается, гордится сестрой.

– Ты так изменился, – обхватывает руками мою шею, целуя в щеку.

Хмурюсь. Нагнетается какая-то неприятная атмосфера. Она витает в сознании, но пока до конца не сформировалась.

– Пойдемте уже, дождь начинается, – открываю дверь парадной. Пока все заходят, пробегаю глазами по небу. Погода шепчет.

– Пошли, ща Макс приехать должен.

– Федосеев? Вы общаетесь до сих пор? – Катька округляет

глаза. – Не думала...

– Да я тебе уже как-то говорил, что вредно...

Куликова морщится, совсем не довольная моим ответом. Открываю дверь, пропуская всех в квартиру.

– Направо сразу, сворачивайте в кухню.

Снимаю кроссовки и набираю Геру, в ответ опять тишина... Сглатываю, вдыхая больше воздуха. Ее молчание меня злит. Очень злит. И я окончательно перестаю верить в болезнь, как и в то, что у нее все хорошо. Но бесит больше ее молчание – это такая глупость.

«Не приезжай, Богдан, не хочу тебя заразить»

Охотно, бл*дь, верю.

Чувствую, что х*рня какая-то, но не лезу, не имею привычки, хотя кому я вру? Просто в последнюю неделю настолько задолбался, что сил на выяснения отношений и думы у меня не было. Только вот почему нельзя рассказать все сразу, не делать из происходящего секретов, превращая отношения в цирк? В кухню захожу уже с улыбкой. Пох*р на все, хочу сегодня расслабиться и ни о чем не думать. В дверь стучат, а после на пороге появляется Макс.

– Ребятки, ваша мать пришла, ромчик с виски принесла, – ржет, ставя пакеты на стол. – Я дверь закрыл, – уже мне.

Киваю.

– Стаканы нужны и тарелки, нож, мы тут еды принесли, – хлопочет Танька.

– В шкафу над раковиной все.

– Покурим?

– Макс, я бросил.

– Быстрый ты. На той неделе еще... а сегодня.

– Хотя... пох*й, пошли.

– Вот, наш человек.

– Серый, пойдешь?

Мелок поднимается со стула, идя за нами. Открываю просторную лоджию, настежь распахивая окна.

– А где твоя эта?

– Серега, не начинай, – обрываю на полуслове.

– А-ха-ха, я смотрю, он тоже Геру Брониславну всей душой любит.

– Заткнись, Максон.

– Да я молчу, – затягивается, облакачиваясь на перекладину открытого окна.

На улице начинается дождь. Небо затягивает хмурыми и какими-то злобными облаками. Духота стоит жуткая. Одежда кажется влажной. Вдыхаю в себя последнюю каплю никотинового яда и тушу окурков. Макс заинтересованно посматривает через окно на Танюху, лоджия простирается на две комнаты. Поэтому мы прекрасно осведомлены, чем занимаются на кухне девочки. Серега недовольно наблюдает за Федосеевым, а мне остается только закатить глаза и не допустить здесь махача.

– Танюша, – Максон лыбится, рассматривая Таньку уже с каким-то особым интересом, – ты просто космос, – садится

на стул, широко расставляя ноги.

– Хорош трындеть, – намеренно все это перебиваю, – пить давай.

– Поддерживаю, – вступает Серега, и Максус приходится поднять свой стакан.

– Богдаша, за тебя мы с тобой пили, поэтому давайте за прекрасных дым, – неугомонный.

Прикрываю глаза в подтверждающем кивке и делаю несколько больших глотков рома. Жидкость скатывается по горлу, отдавая какой-то желчью. Настроения как не было, так и нет. И я прекрасно знаю, что не появится, выпей я хоть бочку. Полузаинтересованно поддерживаю разговор, постоянно поглядывая на темный экран телефона. Не перезвонила. Вливаю в себя еще пару стопок, но уже водки, и по сотому кругу закуриваю на балконе сигарету.

– Богдан, – Мелок оглядывается, убеждаясь, что мы стоим одни, – я не лезу, но тебе мало было из-за этой девки год потерять, клуба лишиться... ты не понимаешь, что чем дальше, тем...

– Понимаю, – стряхиваю пепел, рассматривая детскую площадку под окнами. Во дворе давно стемнело, и лишь детские качели озаряет фонарями. – Только не понимаю, почему ты так об этом печешься? Это не твоя жизнь и не твои обломы. Успокойся, расслабься и тр*хай Куликову в кайф.

– Ты ах*ел, – рыпается вперед, но я успеваю скрутить его, выворачивая руку слегка.

– Неприятно слышать? Да? – отпускаю, отталкивая от себя. – Так вот и мне – неприятно.

Сергея еще с минуту тяжело дышит, поглядывая на меня с ненавистью, но злость быстро проходит. Мышцы расслабляются, я чувствую это.

– Прости, не в свое дело лезу.

– Вот именно, не в свое.

– Не нравится мне все это, Шелест.

– А тебе и не должно, главное, мне по кайфу. Верно? – хлопаю его по плечу, выдавливая из себя смех.

Гера так и не позвонила. На кухню возвращаемся каждый в своих мыслях. Эти советы начинают подбешивать с еще большей силой. Кидаю телефон на стол. Хватит на сегодня занудства.

Наливаю еще рома, пох*й, что смешиваю, и выпиваю содержимое за пару глотков. Макс тянет всех в клуб, но у меня просто нет на это сил физически. Катюха в своем сумасшествии умоляет Мелка поехать, и тот прилюбезнейше соглашается. Идиллия, мать вашу.

– Танюш, ты с нами?

– Спасибо, Максим, я домой.

Танька улыбается, хоть и капли не выпила. Она всегда такая, добрая. Настоящая.

– Давай тогда докинем.

– Я на такси, – отмахивается, а Катрин что-то шепчет ей на ухо.

– Все, поехали тогда, – командует Федосеев, и троица, сверкая пятками, сваливает за дверь.

Поворачиваюсь к Танюхе, стоящей посреди кухни.

– Давай я хоть убраться тебе помогу, потом такси вызову.

– Давай, – пожимаю плечами, мне в принципе пох. Так даже лучше, мыть с утра тарелки желания маловато.

– Прости, что спрашиваю... просто ты сегодня один...

– Так сложились обстоятельства.

– Поругались? – тяжело вздыхает.

– Нет, так, мелкое недоразумение.

– Не расстраивайся, все будет хорошо, – касается ладонью моей груди, смотря прямо в глаза.

У Танюхи большие серые глаза, по сравнению с Гериными они кажутся блеклыми. Нет в них тайны и очарования нет. По крайней мере для меня. Убираю ее руку, усмехаясь. Мне не нужна эта неловкость взглядов, эти глупые надежды в ее душе. Я знаю, что она ко мне чувствовала. Думал, прошло – оказывается, нет.

– Не стоит, – говорю сдержанно. Стараясь не грубить.

– Прости, – хмурится, присаживаясь на стул, – я просто хотела, – поднимает голову, – просто хотела тебя поддержать.

– Спасибо. Тань, я мальчик взрослый, мне жилетка поплакать не нужна. Сам справлюсь.

– Извини еще раз, – начинает хаотично переставлять тарелки, открывает воду, та шумит, и я не слышу ее всхлипов,

только вижу, как изредка подрагивает спина, а пальцы сильнее сжимают поролоновую губку.

Только этого всего мне здесь не хватало.

– Тань, я вызову тебе такси, – касаюсь ее плеча и ухожу из кухни.

Заказываю машину. В дверь настойчиво трезвонят, убираю телефон, открывая защелку. Дверь распахивается мгновенно, а на пороге стоит Гера. Хмурюсь, пробегаю взглядом по ее лицу, волосам, спускаюсь ниже и только потом замечаю стоящий рядом чемодан.

– Впустишь? – ежится под моим взглядом.

Киваю. Пока ничего не могу понять. Ни *ера.

Гера топает мимо меня, таща за собой своего двухколесного друга. Отпускает ручку, а я как раз закрываю дверь. Мы поворачиваемся друг к другу одновременно. Смотрю и сатанею от желания убить ее или тра*нуть прямо здесь. В башке бардак. Алкоголь уже успел тяжелым грузом лечь на мои мысли по поводу нас, и я не совсем адекватен.

– Чего пришла? – усмехаюсь, рассматривая ее смазливое личико. – Вылечилась?

– Мне уйти? – приподымает бровь.

На кухне становится тихо, и Таня выходит в коридор. Гера бледнеет. Я вижу, как сжимаются ее кулаки, как расширяются зрачки и стискиваются зубы. Она зла и подавлена. Она готова рвать голыми руками, я чувствую ее неприязнь и ненависть, словно свои собственные эмоции. Но она натя-

гивает на лицо улыбку и с ядовитым, полосующим на куски взглядом задает свой вопрос:

– Я не вовремя?

– Я уже ухожу, – бормочет Танька, натягивая ветровку.

– Вот спасибо. Удружила, – Гера злобно смеется. – Какая же ты сволочь, Шелест, – губы начинают подрагивать.

Она хаотично ощупывает себя руками, теряясь в пространстве. Думает, размышляет. В ее голове сейчас, как и в моей, тысячи мыслей. Хватает свой чемодан и ломится обратно к двери. Преграждаю ей путь, крепко стискивая плечи.

– Не трогай меня, сволочь, гад, – бьет с остервенением по моей груди, пытаюсь вырваться, – я ... Как, как ты мог? – содрогается в рыданиях, переставая кричать.

Таньки уже давно простыл след. И правильно. Не стоит Гере под горячую руку попадаться. Не нужно.

– Тише-тише, – прижимаю ее к себе, – ты не так поняла...

– Что я не так поняла? Время – ночь, а она здесь. С тобой! – вновь начинает кричать и вырываться.

– Успокойся, – встряхиваю ее, заставляя посмотреть на меня, – прекрати истерику, – повышаю голос, не ору, просто говорю, чтобы до ее взвинченного сознания дошло хоть что-то. – Ничего у меня с ней нет и быть не может, слышишь?

Трясу ее, как куклу, но она не слышит, продолжает сопротивляться. Не верит. Хочет, по глазам вижу, что хочет верить. Но не может. Двоякая ситуация. И я это знаю. Становится жарко. Ее тело настолько близко, что у меня оконча-

тельно сносит крышу. С силой прижимаю ее грудью к стене, шире разводя коленом стройные ножки. Гера сопротивляется, бьет меня по рукам, пока я не стискиваю их мертвой хваткой, продолжая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.